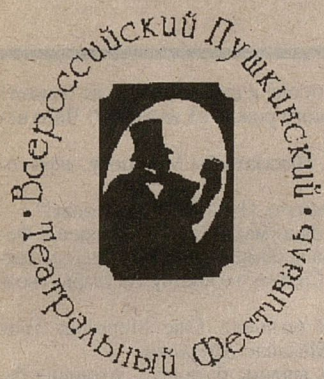

16). 02.05.
(февр.)

Пушкин А.С.
(театр. представление)

ФЕСТИВАЛИ

Играем с Пушкиным

Мария ХАЛИЗЕВА

Февраль, 10, 2005. Последний день XII Всероссийского Пушкинского театрального фестиваля, по традиции проводимого в Пскове и Пушкинских Горах Владимиром Рецептером и сотрудниками Государственного Пушкинского театрального центра. Утром именно этого дня участники фестиваля обыкновенно перемещаются из Пскова в Пушкинские Горы, где среди переливающихся на солнце сугробов, тишины, ухоженных пространств и незагубленной природы немедленно приходит на память дивный пассаж из "Заповедника" Сергея Довлатова:

"Ко мне застенчиво приблизился мужчина в тирольской шляпе:

— Извините, могу я задать вопрос?

— Слушаю вас.

— Это дали?

— То есть?

— Я спрашиваю, это дали?

— Тиролец увлек меня к распахнутому окну.

— В каком смысле?

— В прямом. Я хотел бы знать, это дали или не дали?

Если не дали, так и скажите.

— Не понимаю.

— ...

— У меня есть цветная открытка — "Псковские дали". И вот я оказался здесь. Мне хочется спросить — это дали?

— В общем-то, дали, — говорю.

— Типично псковские?

— Не без этого.

Мужчина, сияя, отошел..."

Мы-то, в отличие от тирольца, уже давно знали из вполне достоверных источников, что перед нами такие, что ни на есть натуральные псковские дали, их зимний вариант, но сияли в то утро не меньше довлатовского экскурсанта — так отвыкли среди толчеи городов от величия и покоя российских просторов.

Ровно в 14.45 — мгновение расставания Пушкина с жизнью — ударил колокол, а следом на могиле поэта в стенах Святогорского монастыря началась Лития. По-серьезневшим людям, собравшимся в эти минуты у Успенского собора, освещало яркое февральское солнце. "Февраль. Достать чернил и плакаты!" — написал поэт двадцатого века, родившийся в этот самый день, 10 февраля. Следом за Борисом Пастернаком вспомнился и Всеволод Мейерхольд, чье рождение также пришлось на роковую для Пушкина дату. Совершив театрально-поэтический круг, мысль снова сосредоточилась на Пушкине, тем более что сразу по окончании Литии известный пушкинист

Сергей Фомичев произнес совсем не пафосные слова о нашей связи с Александром Сергеевичем.

Фестиваль завершился — следовало торопиться на московский поезд.

Описанному дню предшествовали пять фестивальных суток в ясном и морозном Пскове.

Утро начиналось с двухчасового заседания творческой лаборатории. Темы выступлений литературоведов и режиссеров на этот раз были такими: "Пушкинская «мысль Ревизора»" (Вячеслав Кошелев), "Сказка о медведихе" и другие сказки Пушкина" (Сергей Фомичев), "Игра, игры, игрою, об игре..." (Валентин Курбатов), "Враги Пушкина" (Михаил Левитин), "Карамзин — учитель Пушкина" (Марк Розовский).

Выступления естественным образом перекликались с собственно театральными сюжетами фестиваля. Так, в этот раз в Псков нагрянули постановки по сказкам Пушкина из Санкт-Петербурга (изобретательный, но небесспорный спектакль Ивана Стависского "БАЛбесы" Государственного Пушкинского театрального центра), из Новгорода ("Сказка о царе Салтане" Марины Карпачевой, больше всего напоминавшая детский утренник в самодеятельности) и из Великих Лук (еще одна "Сказка о царе Салтане" — Павла Сергеева, формально, впрочем, выведенная за пределы фестиваля и показанная в Пскове, когда гости и участ-

ники "пушкинских театральных игр" уже вовсю дышали воздухом Михайловского, Петровского и Тригорского). А потому как нельзя кстати оказались размышления Сергея Фомичева о драматургичности пушкинских сказок, сравнительный анализ пушкинской и народной сказки, рассуждения о самоисчерпаемости зла в сказках Пушкина.

Доклады режиссеров, происходившие, как правило, на следующий день после показа их спектаклей, волей-неволей, как-то незаметно сводились к обсуждению собственных замыслов и их сценических воплощений. Михаил Левитин привез на Пушкинский фестиваль спектакль "Изверг" (театр "Эрмитаж") по своей же пьесе, главной героиней которой выступает страстная и коварная пушкиноненавистница Идалия Полетика. Вероятно, именно по этой причине тема выступления Левитина на лаборатории была заявлена как "Враги Пушкина". Признавшись, что попросту пожалел Идалию (позволим себе заметить, что догадаться об этом режиссерском чувстве, созерцая немыслимые выкрутасы и злобные скрючивания Полетики в исполнении Ольги Левитиной, вслушиваясь в ее режущее-неестественный голос, практически нереально), Михаил Левитин пропел пламенный гимн авантюристам: "Авантюрист — это поэт жизни!", "Вдохновения в Полетике до черта!" и т.п.

Так или иначе, но Ольга

Левитина в роли Идалии Полетики, несомненно, играет до предела окарикатуренную тему пушкинского "Мощарта и Сальери": не знающие границ зависть и ревность и как следствие — "Я призван, чтоб его остановить". И делает это весьма вульгарно и до отчаяния однообразно. Столь же гнетущее впечатление оставляют и режиссерские приемы: все четыре сестрицы (три родные, одна троюродная) назойливо демонстрируют дурную привычку грызть ногти, забеременевшей Идалие тут же надувают под кричаще безвкусным платьем воздушный шарик, на плече у императора-памятника Николая I примостился голубь и периодически гадит ему на плечо, манеры "солнца русской поэзии" пародируются акробатическими номерами дрессированной обезьяны...

Другой московский режиссер — Марк Розовский представил в Пскове спектакль своего Театра у Никитских ворот, испытанный временем мюзикл "Бедная Лиза" по сентиментальной прозе Н.М.Карамзина. Впервые Розовский поставил "Бедную Лизу" тридцать два года назад на Малой сцене ленинградского БДТ. Пушкинский фестиваль не часто позволяет себе отклонение от генеральной линии, но в данном случае связь творчества Пушкина и Карамзина оспаривать не приходится. К тому же имеется и еще одна подробность: дело в том, что в постановке "Бедной Лизы" 1973 года роль Эраста пел,

танцевал и играл, комичнейше выдыхая преувеличенно-сентиментальное "Ах...", лично Владимир Рецептер, в ту пору — артист театра Георгия Товстоногова ("Я был одной семидесятой / его команды золотой", — написал Рецептер в недавнем стихотворении о счастливых временах БДТ).

Спектакль "Бедная Лиза" Театра у Никитских ворот с Верой Десницкой — Лизой и Станиславом Федорчуком — Эрастом прошел в Пскове на ура. А после, на лаборатории, Марк Розовский от повествования о миссионерской деятельности историка Карамзина довольно плавно перешел к воспоминаниям о давней встрече в лифте кислотодской гостиницы с Товстоноговым, о его предложении поставить спектакль на Малой сцене БДТ, а также об утверждении названия будущей постановки ровно за то время, пока лифт добирался со второго этажа на шестой. В устных мемуарах Розовского охотно вставлял свое слово Владимир Рецептер, особенно в той части, которая касалась непосредственно репетиций "Бедной Лизы".

Еще три фестивальных спектакля были связаны с именами начинающих актеров. Это — "Жизнь Александра Пушкина. Лицей" из Старого Оскола в постановке Семена Лосева, "Метель" московского Международного славянского института имени Г.Р.Державина в постановке Александра Огарева (оба спектакля игрались на Малой сцене) и "Жил на свете рыцарь бедный..." Пушкинского театрального центра в постановке Владимира Рецептера. Говоря о фестивале в целом, Рецептер не без гордости признался псковскому телевидению: "Удалось на этот раз максимально заполнить сцену молодежью, принести звон юности. Ребята уже оказались на пушкинской тропе, даст Бог, сделают следующие шаги".

Не претендующая на новаторство постановка старооскольцев о лицейских годах Пушкина и его товарищей ("театрализованные" документы в 2-х частях) привлекла прежде всего чистотой помыслов. Режиссер Семен Лосев пошел по пути, избранному некогда Юрием Любимовым (к примеру, спектакль "Товарищ, верь..." о том же Александре Сергеевиче) и Камой Гинкасом ("Казнь декабристов"): литературная композиция, как монтаж и столкновение реальных документов, писем, воспоминаний, слухов, сплетен, легенд ("молва эпохи"). Актеры Старооскольского театра для детей и молодежи и студенты Ярославского театрального института, несомненно, влюбленные в

Экран и сцена

пушкинскую эпоху, в окружении свечей, гусиных перьев, стихотворных черновиков и портретов лихо примеряют на себя облики Пушкина и Дельвига, Пущина и Кюхельбекера, Малиновского и Горчакова. Они упоенно бренчат на гитарах, вспоминают, спорят и тут же разыгрывают всплывающее в памяти, совершают в своей болтовне забеги в будущее, предъявляя друг другу одну версию событий за другой, порою торжественно провозглашают: "...и родилась эпиграмма..." и декламируют стихи.

Постановке слегка не хватает чувства меры, да еще бросается в глаза несколько упрощенное понимание — мерят, явно, по современной мерке — характеров людей начала XIX века, недооценка уровня образованности и порядочности лицейских учителей и созданной ими в стенах Лицея творческой атмосферы. И все же "Лицей" — бесспорно, положительный опыт театрального обращения к пушкинской биографии.

Что касается постановки "Метели", одной из "Повестей Белкина", то ученик Анатолия Васильева и актер его театра Александр Огарев начинил спектакль студентов курса Евгения Славутына всеми возможными вариациями одной единственной — любовной — темы. Под торжественные звуки рояля раздаются строки из "Светланы" Василия Андреевича Жуковского, от сценического сквозняка покачивается, как висельник, белоснежная фата. Следом зачитывается фрагмент письма Татьяны к Онегину, на смену которому (встык) приходит какофония современных девичьих рассказов о первой любви, примитивных и косноязычных, выполненных в знаменитой манере "Театра.doc". Дальше — больше. На сцене появляются пара-тройка воплощений Марии Гавриловны, героини пушкинской "Метели": юные актрисы-четвероккурсницы будут жеманиться, хихикать, закатывать глаза и не однажды подсыпать корм в птичью кормушку. Еще нам прочтут "Бородино", подбросят, ликуя, в воздух детские чепчики, споют "Выхожу один я на дорогу...", продекламируют "Сон Татьяны", выведут на подмостки не то баюдаерку Никию, не то Шехерезаду, оглушат грассированием Эдит Пиаф и ошарашат набеленным лицом избранника Марии Гавриловны — Бурмина, читающего вслух Петрарку. Все перечисленное составляет лишь скромную долю сценических выдумок Александра Огарева. Нет уверенности, что подобная мешанина идет на пользу учебному процессу.

Еще одни четвероккурсники, студенты СПГАТИ (курс Владимира Рецеттера), представили на Большой сцене спектакль "Жил на свете рыцарь бедный..."; в него вошли "Скупой рыцарь" и "Сцены из рыцарских времен". Пожалуй, это единственная из постановок нынешнего Пушкинского фестиваля, куда не дозволено было прямолинейно и грубо вторгнуться современным поведением. Тема рыцарства, такая несвойственная нашему времени, рассматривается Рецеттером и его учениками, воспитанными исключительно на Пушкине, пристально и вместе с тем масштабно. Недаром Марку Розовскому увидевшись в этом спектакле, сделанном, по

его выражению, "средствами живого академизма", некая шекспировская мощь. Ощущение усиливается благодаря лаконизму сценографии и благородству костюмов приглушенных тонов художника Эдуарда Кочергина.

Под занавес фестиваля были сыграны еще два московских спектакля. Первый представил театр "АпАРТе". Взяв за основу "Станционного смотрителя" из "Повестей покойного Ивана Петровича Белкина", режиссер Гарольд Стрелков расцвел короткую повесть такими подробностями, о которых автор вряд ли подозревал.

В главные герои повествования о станционном смотрителе Самсоне Вырине и его дочке-беглянке Дуне постановщик спектакля вывел самого Ивана Петровича Белкина (Сергей Серов). В своем предуведомлении "От издателя" Пушкин уверял, что именно Белкину принадлежит авторство историй, записанных им со слов разных людей. Стрелков ухватился за вымышленные Пушкиным подробности био-

графии Белкина и закрутил лихой сюжет.

Вкратце он состоит в следующем: живет себе в селе Горюхине в окружении ключницы Авдотьи да слуги Трифона небогатый помещик Белкин. Страсть имеет к марианью бумаге; в железном набалдашнике кровати у него пристроились лампадка с чернильницей. Исторички чудачу Белкину подкидывает старая ключница. Задумалась, прислушалась: "Чу, метель за окном!" — вот и повестушка задумана, "Метель" ей название. Ухнул где-то вдалеке выстрел — увидел свет божий фантазия ключницы с одноименным заглавием. Но это все так, милостные апелляции к образованности зрителя.

Невеселые же подробности из жизни станционного смотрителя выходят из-под пера Ивана Петровича (разумеется, тоже с подачи Авдотьи) прямо на глазах у публики. И вот уже он сам до беспомощности влюблен в "бедную Дуню", светлый образ мерещится ему повсюду, не на шутку ревнует он ее к гусару Минскому, отчаянно

колотится в горячке сочинительства и тут же впадает в любовное неистовство. Одним словом, смерть Ивана Петровича, следовавшая на тридцатом от рождения году, случайностью не была. Муки литературного творчества для рассудка и здоровья оказались непосильны.

Режиссерская фантазия Стрелкова бьет ключом и раскрашивает театральными средствами каждый прозаический пассаж. Довольно скоро, впрочем, подобная иллюстративность при всей ее изобретательности становится избыточной. Вдобавок спектакль немало потерял в силу того обстоятельства, что на фестиваль не приехала основная исполнительница роли Дуни — Инга Оболдина, на чьем мастерстве преобразования (и вообще мастерстве) крепилось многое из стрелковских построений.

И, наконец, завершавший фестиваль спектакль Театра имени Ермоловой "Ужель та самая Татьяна?..." в постановке Германа Энтина (премьера состоялась совсем недавно) показался почти анекдо-

тическим. Подзаголовок действия таков: "Сцены из 'Евгения Онегина' — романа А.С.Пушкина и оперы П.И.Чайковского". В программе режиссер пространно повествует о проделанной коллективной работе по соединению "гениальных произведений Поэта и Композитора". Вот фрагмент высокопарных признаний Энтина: "Кажется, поначалу мы просто вольно плавали в прекрасных стихах и бессмертной музыке Чайковского. Только со временем, и немалым, мы стали ощущать контуры показавшегося вдали берега. И берегом этим была любовь, а главным носителем ее мы, конечно, увидели Татьяну".

Исполнительница Татьяны в спектакле задействована две. Первая — артистка Музыкального театра имени К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко Анастасия Бакастова — вынуждена не только петь, но и периодически декламировать. Вторая "актриса" обречена на категорическое безмолвие: в роли Татьяны, явившейся Онегину среди блеска светского общества, выступает картонный силуэт самой Марии Николаевны Ермоловой, какой она изображена на портрете Валентина Серова. Еще есть два рассказчика, дурно читающие и подзабывающие текст, бесстрастный двухметровый Онегин, суевающийся полтора-метровый Ленский, концертмейстер и нервные скачки пушкинского сюжета. По простоте двух часов, с трудом выйдя из законного сценария, ты немалым усилием воли заставляешь себя приоткрыться к мысли, что в начале XXI века на московской сцене могут возникнуть театральные творения такой степени архаичности.

Понятно, что тематический фестиваль — дело многотрудное. Понятно, что уровень театральных произведений, из коих формируется афиша, раз на раз не приходится. В том, что Пушкинский фестиваль — мероприятие значительное и нужное, сомнений нет. То, что на этот раз его составляющие оказались не столь талантливы, как в предыдущие годы, тоже вполне объяснимо: ведь если театральные премьеры последнего времени из месяца в месяц почти без исключения не радуют, то с чего бы взяться великим свершениям именно на ниве Пушкина? Совершенно ясно, что устроители псковского пушкинского-театрального смотра ничего не могли поделать с тем фактом, что москвичи в этом году поиграли с Пушкиным кто во что горазд. Вывод напрашивается сам собой — со столицей следует быть строже.

Остается надеяться, что вопреки суевериям, связанным с цифрой XIII, к следующей встрече в Пскове пушкинские спектакли выпустят более тонко чувствующие Пушкина режиссеры.

- Владимир Рецеттер
- Сцена из спектакля "Жил на свете рыцарь бедный..."
- Наталья Балабай и Антон Тарасов в спектакле "Метель"

